МУРЗИЛКА

№ 3 Журнал для школьников младших классов ЦК ВЛКСМ МАРТ 1950

государственная

ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО ЖИВУТ
ДЕТИ НАШ
РОДИНЫ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

И. В. СТАЛИН

А. КАРДАШОВА

НАША УЧИТЕЛЬНИЦА

Внизу, у входа в третий класс,
Почти вся школа собралась.
Там суета и оживленье —
Кончаются приготовленья:

Уже развешаны плакаты,
На стол положены цветы...
Воротнички на всех ребятах
Необычайной чистоты.

В тетрадях нет корявых строк,
И твёрдо выучен урок.
Он так и рвётся с языка
У каждого ученика.

Всё приготовлено. Сейчас
Войдёт учительница в класс.

Вот тут, с учениками рядом,
Она свои проводит дни,
Частенько к ним заходит на дом
Проведать, как живут они.

Здесь, за столом, отметки ставит,
Спокойно выслушав ребят.

Теперь она страною правит,
Она — народный депутат.

В кремлёвском обсуждает зале,
Что для страны всего важней,
И, может быть, товарищ Сталин
С вопросом обратится к ней...

Звонок! Всё стихло в третьем «А»,
И в класс вошла она сама.
На первый взгляд она всё та же
И в том же синем платье даже.

И всё-таки она не та:
Вдруг стала молодой, красивой,
И новой твёрдостью и силой
Сияет каждая черта.

Она глядит на третий класс,
Морщинки добрые у глаз...

Глядит живая на ребят
И со стены, с портрета,
Учительница — депутат
Верховного Совета.

А. НЕКРАСОВ *Рис. М. БУТРОВОЙ*

ДОВЕРИЕ

Кто-то сказал, что Тоня Коврова больше не будет учиться.

Тоня была старостой второго «В», и, конечно, все девочки заволновались, заспорили, зашумели... Но тут открылась дверь, Ольга Васильевна, румяная с мороза, прошла к столу; а когда все сели и стало совсем тихо, сказала:

— Тоня уехала с родителями на Дальний Восток. Вам, девочки, придётся снова выбирать старосту. Выдвигайте кандидатов.

Валя пробежала глазами по лицам подружек, стала думать, кого бы предложить, но со всех сторон уже поднялись руки, и девочки, точно сговорившись, наперебой стали предлагать:

— Валю! Валю! Валю старостой!

Валя покраснела и опустила глаза. Ей и приятно было и как-то неловко: со всех сторон на неё смотрели подруги. Ольга Васильевна тоже посмотрела прямо на неё, улыбнулась.

— Других кандидатов нет? Тогда проголосуем, девочки. Кто «за», поднимите руки.

Все подняли руки, только Валя не подняла и покраснела ещё больше.

— Единогласно, — сказала Ольга Васильевна и снова улыбнулась. — Значит, решено. Поздравляю, Валя. С сегодняшнего дня ты староста второго класса «В». Постарайся оправдать доверие товарищей. А вы, девочки, уважайте свою избранницу, помогайте ей.

С этого дня началась у Вали совсем новая, особенная жизнь. Училась она и раньше хорошо, а теперь понимала, что все девочки по ней равняются, — значит, не то что троек, а четвёрок и то нельзя получать. И в мятом воротничке нельзя прийти, и в дырявых варежках...

Валя и раньше никогда не опаздывала, а тут стала приходить раньше всех. Придёт, проверит, есть ли мел на доске, тут ли тряпка, у всех ли чисто в партах.

И подруги совсем по-другому стали относиться к Вале. Что бы ни случилось, первым делом к ней и, если радость какая, издали ещё кричат:

— Валя, у меня папа вчера из Сибири приехал! Кедровых шишек привёз. Вот таких... и с орехами...

А уж если горе, выберут минутку и где-нибудь в сторонке, шопотом:

— Валя, а я кляксу в табеле посадила. Я не нарочно, вот честное слово! Ну что мне теперь делать?

И приходится Вале итти, говорить с Ольгой Васильевной, улаживать все дела. А за день дел таких наберётся немало.

В классе-то сорок человек, а она одна за всех — староста!

У Вали дома был кактус. Она сама его отсадила у соседки, тёти Жени. Сама вырастила, и кактус стоял у неё на окне, такой смешной, колючий, как ёжик. Другие девочки тоже разводили дома цветы, а в классе подоконники были пустые.

Валя однажды посоветовалась с Ольгой Васильевной, а на переменке предложила подругам:

— Давайте, девочки, все принесём по цветку. Пусть наш класс будет самый красивый.

На другой день в тёплых колпаках из газеты, укутанные платками и шалями, появились в классе цветы. Столько принесли, что на подоконниках едва хватило места. И герань, и аспарагус, и пальмочку. А Зара Эльдарова принесла лимонное деревце, а на нём два зелёных лимончика: один совсем ещё маленький, а другой порядочный, с грецкий орех, даже чуть побольше. Девочки расставили цветы, а горшки решили оклеить бумагой.

После уроков Валя сбегала к нянечке, попросила плитку, разогрела клей. А потом кто-то капнул клеем на плитку, клей затрещал, загорелся, и такой нехороший запах пошёл по классу, что все девочки расчихались.

Потом все разошлись. Валя вспрыгнула на подоконник, открыла форточку и пошла отдавать плитку. Отдала — и тут встретила Ольгу Васильевну. И, конечно, разговорилась с ней. У них теперь всегда было о чём поговорить. Потом Валя попрощалась, оделась и пошла домой.

Дома Валю встретила мама. Последнее время она всё о чём-то тревожилась и очень поздно приходила с завода, а тут пришла и умыться и переодеться успела.

Они пообедали вдвоём с мамой, а потом вместе сели учить уроки: Валя свои, а мама свои. Только Вале в тот раз задали совсем мало, а маме порядочно.

Валя всё выучила, и чайник поставила, и на стол накрыла, а мама всё сидела над книжкой. Потом она взглянула на часы, закрыла книжку, и они сели чай пить и за чаем разговорились.

— Мамочка, ты ведь уже большая, а почему ты всё учишься? — спросила Валя.

— А как же, Валя, иначе? — сказала мама. — У нас все учатся... Учусь, чтобы лучше работать.

— А ты и так хорошо работаешь. Я же знаю, мамочка, я про тебя всё в газете читала, когда тебя орденом наградили.

— Потому и работаю хорошо, что учусь, — сказала мама.

Валя налила себе ещё чаю, положила сахару и маме хотела налить.

— Спасибо, дочка, не хочется больше, — сказала мама,

— А с конфеткой бы выпила? — спросила Валя.

— Нет, — ответила мама, — и с конфеткой не хочу.

— А с вареньем бы выпила?

— Нет, и с вареньем не хочу.

— А с пирожным?

— И с пирожным не хочу...

— Ну, мамочка, а с чем бы выпила, ну, скажи, ну, с чем? — не унималась Валя.

— С лимоном бы выпила, — сказала мама и зажмурилась, как будто ела лимон.

— Ой! — вдруг крикнула Валя, побледнела и вскочила из-за стола. — Ой, мамочка, что же я наделала! Понимаешь, лимон!

— Ничего не понимаю. Какой лимон? Говори толком, — сказала мама.

— Потом! — крикнула Валя и бросилась одеваться.

— Никуда ты не пойдёшь, — строго сказала мама. — Что это за прогулки, на ночь глядя?

— Ну как же, мамочка, мне все доверяют, ведь я же староста, а я позабыла про форточку... — И Валя рассказала маме, как всё это получилось.

— Да, это дело серьёзное, — сказала мама. — Ну вот что: постучи к тёте Жене, объясни ей всё толком и попроси разрешения позвонить по телефону. Номер ты знаешь?

— Мамочка, я боюсь по телефону... — сказала Валя. — А вдруг завуч подойдёт?

— Ну и что же, что завуч? А ты объясни, кто звонит и зачем. Только спокойно, не волнуйся.

— Ой, нет, страшно! — вздохнула Валя.

— Не знаю, Валя, — если бы меня выбрали старостой, я бы не побоялась, — сказала мама. — Как можно бояться? Тебе весь класс доверяет, а ты боишься. Когда выбирали, не боялась, а теперь страшно? Стыдись...

Валя вспомнила, как дружно поднялись за неё сорок рук, и хотя страх не прошёл, она пошла к тёте Жене.

Валя боялась, что завуч подойдёт, а подошёл сам директор. У Вали совсем упало сердце, но она вздохнула поглубже и, стараясь не сбиться и не спешить, сказала:

— Это говорит староста второго класса «В». Я забыла закрыть форточку, а у нас там лимон на окне, и я боюсь, что он замёрзнет...

— Вот оно что! — сказал директор. — Какого класса?

— Второго класса «В», — повторила Валя.

— Ну, очень хорошо, — сказал директор. — Я сейчас прикажу, чтобы закрыли. Спокойной ночи, староста!

Валя поблагодарила тётю Женю и пошла домой И вдруг ей сделалось хорошо-хорошо, так хорошо, как никогда не бывало. Она с налёту распахнула дверь.

Мама стояла взволнованная, чуть покрасневшая, низко опустив глаза, и слушала радио. Валя прислушалась: диктор назвал мамин завод, а потом торжественным голосом сообщил, что маму выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

Валя не сразу поняла то, что услышала, а когда поняла, кинулась к маме на шею и крепко-крепко прижалась к ней.

...А поздно вечером, лёжа в кровати, Валя спросила тихонько:

— Мамочка, а что значит депутат Верховного Совета?

— Депутат, Валюша, — это слуга народа, народный избранник, а Верховный Совет — это наша советская власть.

Валя укрылась с головой и начала дремать. Ей представилось, как мама сидит в Верховном Совете, в Кремле. И сколько новых дел, и сколько новых забот будет теперь у мамы!.. И как это трудно, наверное: она вон с директором боялась говорить, а маме, может быть, с товарищем Сталиным придётся разговаривать.

Валя приподняла одеяло, прислушалась.

— Мамочка, — шопотом сказала она. — Ты не спишь, мамочка?

— Не сплю, детка, не могу заснуть, — сказала мама.

— Мамочка, а это очень трудно, быть депутатом?

— Трудно, Валя.

— А ты справишься, мамочка?

— Постараюсь, дочка, должна справиться. Справлюсь. Ведь мне народ доверяет.

Я. ТАЙЦ *Рис. Ю. КОРОВИНА*

ЭТО МОЯ МАМА

Восьмого марта Витя Ерошин нарочно встал пораньше, чтобы поздравить маму с праздником. Но мама уже ушла к себе на работу, в сновальный цех.

Витя там был когда-то и видел, как мама работает. Она стоит у сновальных машин. На машинах — огромные катушки. На катушки наматываются нити. Они тянутся без конца и блестят, словно струны. Мама зорко следит за ними. Чуть какая ниточка оборвётся, мама особым ткацким узелком быстро свяжет так, что совсем незаметно.

«Ничего, поздравлю после школы», — подумал Витя и стал собираться. Он позавтракал и вышел на улицу. Было весеннее утро. Снег лежал только в укромных уголках, куда солнцу не достать. Витя радовался: скоро лето, скоро каникулы!..

В школе он поздравил с женским днём классную руководительницу Киру Петровну.

Она сказала «спасибо» и стала раздавать всему классу табели.

Витя Ерошин взял свой табель с нелёгким сердцем. Он знал, что с арифметикой у него нелады, что в изложении он сделал немало ошибок.

С опаской он открыл тоненькую книжечку. Так и есть! Всё сплошь тройки да тройки, а по русскому языку — большая лиловая двойка.

Витя опустил голову. Кира Петровна сказала:

— Надо подтянуться, Ерошин.

Витя махнул рукой. Чего уж тут подтягиваться! Он сунул табель в сумку. А после уроков он повесил сумку через плечо и, насвистывая «Удар короток, и мяч в воротах», отправился домой.

Он шёл еле-еле. У каждой витрины останавливался и стоял по получасу. Ему хотелось отдалить встречу с мамой. Он знал, что ей не понравится табель. Она была строгой, даже суровой женщиной. Сама она работала очень хорошо, и ей хотелось, чтобы и сын работал хорошо.

Но как тихо Витя ни шёл, всё же он в конце концов пришёл. Мама уже была дома. Она приветливо встретила его.

— Здравствуй, Витя! Что же ты маму не поздравишь с женским днём?

— Поздравляю! — хмуро отозвался Витя.

— Спасибо! Ты что такой невесёлый?

— Ничего, просто так!

— Что ж ты мне свой табель не покажешь? Какие там подарки ты приготовил матери к женскому дню?

— Никакие... Нечего показывать...

— Как это так — нечего?

— Да так... Просто мне Кира Петровна неправильно отметки выставила!

— Как это так неправильно? — рассердилась мама. — Давай скорее табель!

Витя долго шарил в сумке. Наконец он протянул табель матери. Она раскрыла тоненькую книжечку и сурово взглянула на сына.

— Ты что ж это, Виктор, так и будешь весь год на тройке да на паре кататься?

— Н-нет, — отозвался Витя.

— То-то нет! А это что? А это? А это? — тыкала мама крепким пальцем ткачихи в табель. — Безобразие!

Она с досадой бросила табель на стол. Она всегда мечтала, что сын её вырастет учёным — профессором, изобретателем. А тут одни тройки да двойки!

— Только фамилию нашу позоришь! — сердито сказала она.

Это почему-то больше всего обидело Витю.

— Ничего я не позорю...

— Нет, позоришь! Наша фамилия — Ерошины — уважаемая, а ты позоришь!..

— Не говори так, — сказал Витя, — а то уйду...

— Куда ж это ты уйдёшь, интересно?

— А вот знаю куда. Уйду — и всё.

И разобиженный Витя, не долго думая, выскочил в коридор, снял с гвоздя пальто и шапку и выбежал на улицу.

На улице, как всегда в праздник, было много народу. Казалось, что и машины идут сегодня гуще, чем всегда, и трамваи звенят громче и веселее, и милиционеры на углах поворачиваются чаще обычного.

Витя шёл, понурив голову. Как она могла сказать, что он позорит! Вот он совсем не придёт домой, если так! Он шёл куда глаза глядят. Ноги сами собой привели его в районный Парк культуры и отдыха. Витя чуть не каждый день прибегал сюда покататься на катке. Но сейчас катка не было. Лёд растаял.

Поперёк аллеи висело красное полотнище: «Да здравствует Международный женский день!» В центре парка был установлен большой фанерный щит, обтянутый кумачом. Над щитом были буквы:

„Лучшие люди нашего района".

Витя подошёл к щиту. На нём было много фотографий. И вдруг Вите показалось, будто он видит знакомое лицо. Он пригляделся. Большие строгие глаза, сдвинутые брови, косынка... Очень похожа на маму!

Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Витя стал пристальнее смотреть на портрет. Постойте, да это, кажется, сама мама! Ну да, конечно, это мама! Его родная мама! Вот и подпись: «Лучшая сновальщица текстильного комбината Евдокия Ерошина».

Витя не мог глаз отвести от маминого портрета. Ему было очень странно видеть маму здесь, в парке.

Какой-то прохожий остановился у щита и принялся рассматривать фотографии. Витя не удержался и сказал:

— Видите... вот Евдокия Ерошина... Это моя мама...

— Да? — Прохожий посмотрел на Витю. — А ведь верно! Похож! Молодец, сынок, поздравляю!

«Чем же я молодец? Это мама молодец!» — подумал Витя, но всё равно ему было очень приятно.

Он долго простоял у щита. И каждый раз, когда кто-нибудь подходил, он говорил:

— Видите, вон там... Евдокия Ерошина... Это моя мама...

И каждый раз люди приветливо улыбались ему и поздравляли его.

Наконец стало темно, и Витя пошёл домой.

— Явился, двоешник? — встретила его мама.

— Явился! — ответил Витя. Он помолчал немного, потом сказал: — Мама, а ты видела?

— Кого?

Витя отчеканил:

— Лучшую сновальщицу текстильного комбината Евдокию Ерошину, вот кого!

— Где? — вскричала мама.

— Там, в парке... Пойдём!

Он заставил маму одеться и повёл её в парк. Уже стояла ночь, но свет прожекторов ярко освещал щит с портретами лучших людей района.

Витя долго смотрел то на маму, то на мамин портрет, потом взял маму за руку и тихо сказал:

— Мама, ты не думай... Я не буду позорить... я исправлю... Вот увидишь!

— Ладно, сынок!

Мама обняла Витю и шевельнула пальцами, будто завязала ткацким узелком невидимую нить...

З. АЛЕКСАНДРОВА

В ШКОЛЕ

Ведь сегодня праздник мамин —
Женский день в стране у нас,
Даже мальчики с цветами
Прибежали нынче в класс.

Нынче солнце светит славно,
Праздник радостнее с ним,
И Татьяна Николавна
Входит к мальчикам своим.

Класс окидывает взглядом,
Дорогих своих ребят...
«Я, ребята, очень рада!» —
Говорит смущённый взгляд.

В этот день, восьмого марта,
Сразу в памяти встаёт:
И она за крайней партой
Провела здесь первый год,

Косо палочки писала,
Будто дождь в тетрадке шёл,
И носила галстук алый,
И вступила в комсомол,

И мечтала, кончив школу,
Возвратясь в неё опять,
Малышей растить весёлых,
Их учительницей стать.

В первый раз она, робея,
На урок вошла сюда,
Малыши сдружились с нею,
Класс вести она умеет, —
Ничего, что молода!

И добра, и справедлива,
Хоть и строгая на вид.
Если выйдет буква криво,
Переписывать велит.

И шагают буквы плавно,
Строятся в отряды строк...
А Татьяна Николавна
Продолжает свой урок.

НАШ ЗАВОД

ИВАН НЕХОДА *Рис. Б. МУХИНА*

Как кварталы городские,
Растянулись корпуса,
Гордо трубы заводские
Рвутся прямо в небеса.
Тает дыма круглый бублик,
А гудок гудит-ревёт.
Выпускает для республик
Паровозы наш завод!
Мой отец идёт заводом,
По цехам своим родным...
Год пройдёт за длинным годом —
Стану я совсем большим.
Стану делать паровозы —
Я ведь шустрый, наловчусь!
И в бураны и в морозы
Я водить их научусь.
Хорошо через просторы
Дальний поезд гнать и гнать!
То и дело семафоры
Будут руку подымать.
И людей и всякий груз —
Всё доставить я берусь!

Перевела с украинского Елена Благинина

В НОВО

Богатая страна Китай. Есть там плодородные земли и могучие реки. Есть железо и уголь, есть серебро и золото в горах. А жил китайский народ беднее всех на земле.

Это потому, что много лет назад пришли в Китай иностранцы. Где силой, где подкупом они захватили власть, посадили продажных чиновников и стали грабить страну.

Так жестоко грабили, что не выдержали китайские бедняки, взялись за оружие и начали народную войну против грабителей-иностранцев.

С тех пор ровно сто лет не утихала война в Китае. И только в наши дни, когда верные ученики Ленина и Сталина — китайские коммунисты — встали во главе народного движения, пришла победа.

С новой силой поднялся великий китайский народ, сбросил правителей, продавшихся англичанам и американцам, прогнал бо-

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

М КИТАЕ

гачей и помещиков, разжиревших на чужом труде, и твёрдо взял власть в свои рабочие руки.

Сейчас в Китае утвердилась власть народа. Армии Мао Цзе-дуна — вождя китайских коммунистов — с боями прошли свою большую страну. И куда бы ни приходили солдаты Мао Цзе-дуна, везде их приход — народный праздник. В больших городах толпы народа выходят на улицы со знамёнами. В маленьких селениях дети бегут навстречу с красными флажками, взрослые собираются, чтобы послушать о новых победах Народной армии, и вместе с солдатами дружно кричат:

— Да здравствует свободный Китай!

— Да здравствует Мао Цзе-дун!

— Десять тысяч лет жизни великому Сталину!

Андрей ШМАНКЕВИЧ *Рис. В. БОГАТКИНА*

ЗА ЧАС ДО УРОКОВ

Может быть, сто, может, двести, а может быть, и тысячу лет назад оторвался от скалистого берега огромный кусок песчаника и упал в море, почти у самого входа в бухту. Много таких обломков лежит в воде рядом с ним, и отличается он от других только тем, что с него удобнее ловить рыбу. Чтобы перебираться на этот камень, рыболовы соорудили переход.

У Бориса и Мишки камень этот считался любимым местом для рыбалки. Они приходили сюда ещё до рассвета, чтобы занять его. Первым делом ребята восстанавливали переход. Его размывало волнами. Тут больше приходилось работать Мишке: у Бориса силёнок нехватало подносить камни.

— Эх ты, слабосильная команда! — говорил Мишка. — Не бери больших камней. Сам перетащу. А лучше совсем не трогай, а то ещё снова заболеешь.

Летом они просиживали на камне по целым дням, удили ласкирей и ставридку. Но всё это было не то: ребята ждали кефальной путины. И, наконец, дождались. Правда, теперь нельзя было сидеть на камне целый день: в школе начались занятия, но если подойдёт хорошая «кулыга» кефали, то за одно утро можно наловить столько рыбы, сколько летом не поймаешь за целую неделю.

Снасти у ребят были, как у самых заправских рыболовов: длинные удилища с тонкими концами, прочные лески, настоящие кефальные крючки; они накопали в Инкермане полную консервную банку морских червей, на которых только и ловится кефаль, а рыбы всё не было. За три утра они и кошкам на обед не наловили.

— Почему она не берёт? — удивлялся Мишка. — Все рыбаки говорят, что кефали в бухте полно, а не берёт.

— Норд-ост дует, вот она и не берёт; — спокойно пояснил Борис.

— Знаю. Третий день дует и дует. А подул бы «фонарский» и «одесский»... При морском ветре только успевай забрасывать, — сердито ворчал Мишка.

Он не мог сидеть спокойно, как Борис, и то и дело перебрасывал свою удочку. Норд-ост гнал с северной стороны небольшие волны; они подбрасывали поплавки, и Мишка беспрерывно «засекал»: ему казалось, что у него клюёт.

— Если завтра будет опять норд-ост дуть, я не приду ловить. И дома уже

смеются, и в школе проходу не дают. Шостов наш говорит: «Тоже рыболовы! Не могут поймать и выдумывают: то ветер им мешает, то луна не такая, то вода мутная...»

— Ну и пускай говорит! А как поймаем, сам прибежит с удочкой. Знаю я его...

Солнце поднялось над скалой. Сразу стало теплее, и ветер поутих. В открытом море, за равелином, ещё бегали бесчисленной отарой белые барашки, а в бухте, особенно на северной стороне, вода успокоилась, посветлела, отражая голубизну неба. Прошёл ещё час, но клёва всё не было.

— Давай сматывать удочки, — предложил Мишка. — Всё равно не будет рыбы.

Борис достал из кармана отцовские часы.

— Можем ловить ещё целый час, — сказал он.

— Если бы ловилась, так я и десять бы просидел. А так сидеть мне надоело. Хочешь — оставайся, а я пойду, — решительно заявил Мишка и стал наматывать леску на удилище.

В это время поплавок на удочке Бориса несколько раз вздрогнул, потом как будто приподнялся над водой и лёг набок. Так брала только кефаль. Борис ловко подсек, кончик удилища согнулся в дугу.

— Ну, чего же ты остановился? — усмехаясь, спросил Борис.

Мишка стоял в нерешительности, но стоило Борису тут же поймать ещё одну кефаль, как он торопливо стал разматывать удочку и наживлять крючки.

Наконец-то рыболовы дождались путины! Рыбы подошло много, и брала она жадно. Мишка даже запел от радости.

— Будет рыбка пареная, будет рыбка жареная, солёная, сушёная и в дыму копчёная. Посмотрим, что теперь Шостов скажет!

Ребята уже не огорчались, если рыба срывалась.

— Плыви, плыви! — кричал ей вслед Борис.

— Ныряй, ныряй, других присылай! — пел Мишка.

Казалось, они забыли про всё на свете и даже про школу. Но про школу забыл только Мишка, а Борис вдруг отложил в сторону удочку, вытер руки и достал часы.

— Ещё десять минут — и будем шабашить, — сказал он, вздохнув.

— Почему шабашить? — сразу не понял Мишка.

— Как это «почему»? Потому что сейчас без десяти час.

Мишка сразу перестал петь, всю весёлость с него как ветром сдуло. Десять минут просидели они молча. А рыбы с каждой минутой подходило всё больше и больше. Она не давала наживке опускаться на дно, хватала, как говорят рыболовы, «на лету». Уже не по одной кефали засекалось, по две, а то и на все три крючка.

Десять минут прошли быстро.

— У тебя, наверно, часы спешат, — буркнул Мишка.

— Что? Спешат? А ты забыл, что мой папа часовой мастер? Да если ты хочешь знать, это лучшие часы во всём Севастополе. Ясно? Пошли! — решительно скомандовал Борис и встал.

— Давай половим ещё минут десять, — начал просить Мишка.

— Ещё десять, потом ещё десять... Знаю я тебя.

— Только десять — и пойдём.

— Ладно, — согласился Борис: ему тоже не очень-то хотелось уходить.

Вода буквально кипела от рыбы. Кефаль совершенно не боялась ребят, ходила у камня по дну и поверху, бросалась не только к наживке, а даже к поплавку. Мишка чуть не плакал от досады.

— Это в году один раз бывает. Знаешь, сколько можно поймать? Сто пудов...

— Сто не сто, а пуда три можно поймать, если посидеть до вечера.

— Три? Десять можно поймать! — не унимался Мишка. — Ты смотри, что хватает! Голый крючок хватает! А какая рыба, вся черноспинка, морская. Один жир. Такую и коптить и вялить можно... Давай останемся, — вдруг вырвалось у него.

Борис только что поймал сразу три рыбины и собирался забросить удочку снова. Услышав, что предлагал Мишка, он молча стал накручивать леску на удилище.

— Подумаешь, что тут такого — пропустить один день. Что, тебя из школы выгонят, что ли? Скажем, что заболели... — торопливо уговаривал Мишка.

— Ты соображаешь, что говоришь? А раньше я когда-нибудь врал? — тихо спросил Борис.

— Так то когда? А сейчас? Ты посмотри, что делается.

— Что бы ни делалось, я в школу пойду. Ясно? И если ты сейчас же не смотаешь удочку и тоже не пойдёшь...

— Так ты побежишь в школу и скажешь про меня?

— Да. Скажу. Честное пионерское, скажу!

Борис выхватил из воды садок. Рыба затрепетала в сетке живым серебром.

— Иди говори! — крикнул Мишка. — А ещё другом называется.

Борис остановился.

— Эх ты, слабосильная команда!.. Не можешь сам с собой сладить. Я потому и скажу, что дружу с тобой. Понятно? А теперь всё от тебя зависит. Если ты догонишь меня вон у того поворота, значит мы и завтра вместе придём сюда, а не догонишь — всё...

Больше Борис решил не говорить ни слова. Он даже губы сжал поплотнее. Перепрыгивая с камня на камень, он пошёл вдоль берега, не оглядываясь на Мишку.

Мишка нарочно громко запел:

— Будет рыбка жареная, будет рыбка пареная...

Но весёлой песни у него не получилось. И две крупные кефали, чуть не сломавшие удочку, не доставили ему удовольствия.

«Ох, и трус же этот Борька! Побоялся, что дома нагоняй будет», — подумал Мишка, и тут же сам не поверил, что это так. Уж очень он хорошо знал Бориса.

Бросив рыбу в садок, Мишка скосил глаза и посмотрел — далеко ли ушёл Борис. Тот уже прошёл половину дороги. Мишка, не торопясь, наживил крючки, забросил и сразу же засёк три кефали. Швырнул их в садок и опять посмотрел в сторону Бориса. Борис был у самого поворота. Он шёл, не оборачиваясь, не замедляя и не ускоряя шага. Ещё немного, и он скрылся бы за скалой.

Мишка вскочил и крикнул:

— Борька! Подожди...

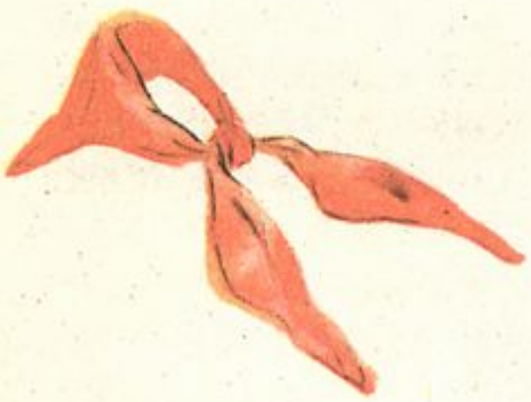
Борис обернулся, и до Мишки долетело:

— Ладно. Только скорее...

МАРИЯ ПОЗНАНСКАЯ

Рис. В. ЛЕМБЕР

БУДУ ПИОНЕРОМ



Моему братишке
Десять лет всего,
А уж в пионеры
Приняли его.

Хочется мне тоже
Поступить в отряд.
Только все смеются:
— Рано! — говорят.

Мама утешает:
— Что ты! Не грусти!
Станешь пионером,
Только подрасти.

Буду я учиться,
Вырасту большой,
Стану пионером,
Как братишка мой.

Перевела с украинского
Елена Благинина

Рис. Е. РАЧЁВА

ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

Венгерская народная сказка под редакцией Анатоля Гидаша

По эту сторону Стеклянных гор, за шёлковым лугом, стоял нехоженый, невиданный густой лес. В этом нехоженом, невиданном густом лесу, да мало того — в самой его чащобе, — жила старая медведица. У этой старой медведицы было два сына. Когда медвежата выросли, то решили, что пойдут они по свету счастья искать. Поначалу пошли они к матери и, как то положено, чин-чином распрощались с ней. Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом.

Обещали медвежата исполнять наказ матери и тронулись в путь-дорогу.

Сначала пошли они к опушке леса, а оттуда — в поле. Шли, шли, — вот уже несколько дней они шли. Наконец все припасы у них кончились.

Рядышком брели печальные медвежата.

— Эх, братик, до чего же мне есть хочется! — пожаловался младший.

— А мне и того пуще! — сокрушённо покачал головой старшенький.

Так они шли ещё, пока вдруг не набрели на большую, круглую, новёшенькую, так она поблескивала, головку сыра. Она прямо лежала на земле, точно дожидалась, когда же, наконец, медвежата найдут её! Вот какое им счастье выпало!

Решили медвежата поделить сыр по справедливости, поровну поделить. Легко сказать — решили! Решить решили, а поделить не могут: оба были голодные, от голода жадные были. Старший говорит:

— Давай вот так разделим: тебе эту половину, а мне эту.

И сам лапой показывает.

Младшенький видит половинки ровненькие, а всё же хнычет:

— Обманываешь меня, себе больше забираешь.

Рассердился старший, рычит:

— Дели сам, коли не согласен.

Младший говорит:

— Давай вот так разделим: тебе эту по-

ловинку, а мне эту, — и сам лапой показывает.

Видит старший — половинки будто одинаковые, да ведь то на-глаз, а вдруг младшему бóльшая достанется? Зарычал:

— Не поровну это, не хочу так делить!

Так, завидуя, они спорили, ругались, рычали, что лучшая половина другому достанется, а сыр неделёный на земле лежал.

Вот тут-то и подошла к ним лисичка.

— О чём вы спорите, молодые люди? — спросила плутовка.

Медвежата рассказали лисице о своей беде всё, как есть.

— Какая же это беда? — сказала лисица. — Это не беда. Давайте я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший — всё равно.

— Вот это будет хорошо! — вскричали медвежата с радостью. — Дели!

Тогда лисичка взяла сыр и разломила его надвое. Но старая плутовка примерилась и расколола головку так, чтобы об этом и спору быть не могло, один кусок, даже на-глаз было видно, был больше другого.

Медвежата враз закричали:

— Этот больше!

Лисица успокоила их:

— Тише, молодые люди! И эта беда — не беда. Немного терпенья. Сейчас я исправлю ошибку.

И рыжая плутовка, облизнув красным языком свои чёрные губы, откусила добрый кусок от бóльшей половинки и, со вкусом пожевав его, проглотила.

Теперь бóльшим стал меньший кусок.

— И так нехорошо, — забеспокоились медвежата.

Лисица с укоризной посмотрела на них.

— Ну, полно, полно! — сказала она. — Я сама знаю своё дело!

И она откусила у бóльшей половины здоровенный кусок, такой, что он едва умещался в её пасти. Зато теперь бóльший кусок стал меньшим.

— И так нехорошо! — вскричали медвежата в тревоге.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот её был

забит вкуснейшим сыром. — Ещё самая малость — и будет поровну.

Так и шла делёжка. То один кусок был больше, а стал меньше, зато меньший стал бóльшим. Медвежата только чёрными носами водили туда-сюда, туда-сюда — от бóльшего к меньшему, от меньшего к бóльшему куску.

Покуда лисица не насытилась, она всё делила и делила. К тому времени, как куски сравнялись, медвежатам почти и сыра не осталось: две крохотные крошки.

— Ну, что ж, — сказала лиса, — хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! — захихикала она и, насмешливо помахав хвостом, убежала.

А медвежата посмотрели на остатки сыра, друг на друга и, как это ни печально, убедились на опыте, к чему приводит жадность.

А. КЛЫКОВ *Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО*

КАК ДЕЛАЮТ ГНЁЗДА

Грач строит своё гнездо на вершине высокого дерева. Пока грач ищет хворостинку и летит с ней к гнезду, грачиха остаётся караулить нехитрую постройку. Потом грачиха летит, а грач остаётся — иначе другая пара грачей займёт их гнездо. Соберут грачи сухие прутья, положат их рыхлой кучкой на ветках — и гнездо построено.

Так же просто устраивают свои гнёзда ближайшие родственники грача — ворона и галка.

* * *

Береговая ласточка роет, как землекоп, клювом и лапками длинный ход в береговых обрывах реки. Ход этот тянется чуть не в метр, а в его дальнем конце устраивается лунка. Лунка устилается пёрышками, чтобы яйцам ласточки было мягче лежать.

* * *

В конце мая в лесу вы можете услышать мягкий, приятный свист иволги. Она, словно попугай, раскрашена в золотисто-жёлтый цвет. Клюв у неё красно-бурый, а крылья чёрные, с большими жёлтыми пятнами.

Иволга строит своё гнездо, искусно переплетая стебельками растений мох, пёрышки, древесную мягкую кору. Тонко сплетённую колыбельку, где будут качаться птенчики, иволга подвешивает высоко над землёй, на развилке тонкой ветки. Подвесив гнездо, иволга укрепляет его на дереве своей клейкой слюной.

* * *

Жаворонок — серенькая птичка с белым брюшком — весной высоко взлетает над полями. И чудесно льётся с высоты его весёлая песенка. Найдёт жаворонок ямку где-нибудь в поле, поросшем реденькой травкой, — вот и его гнездо! Он положит туда яички цвета земли. Пройдёшь совсем рядом — и не заметишь их.

Такие же гнёзда-ямки у перепёлки среди лугов и у серой куропатки в полях. И яички у этих полевых птиц под цвет травы и хлебов.

* * *

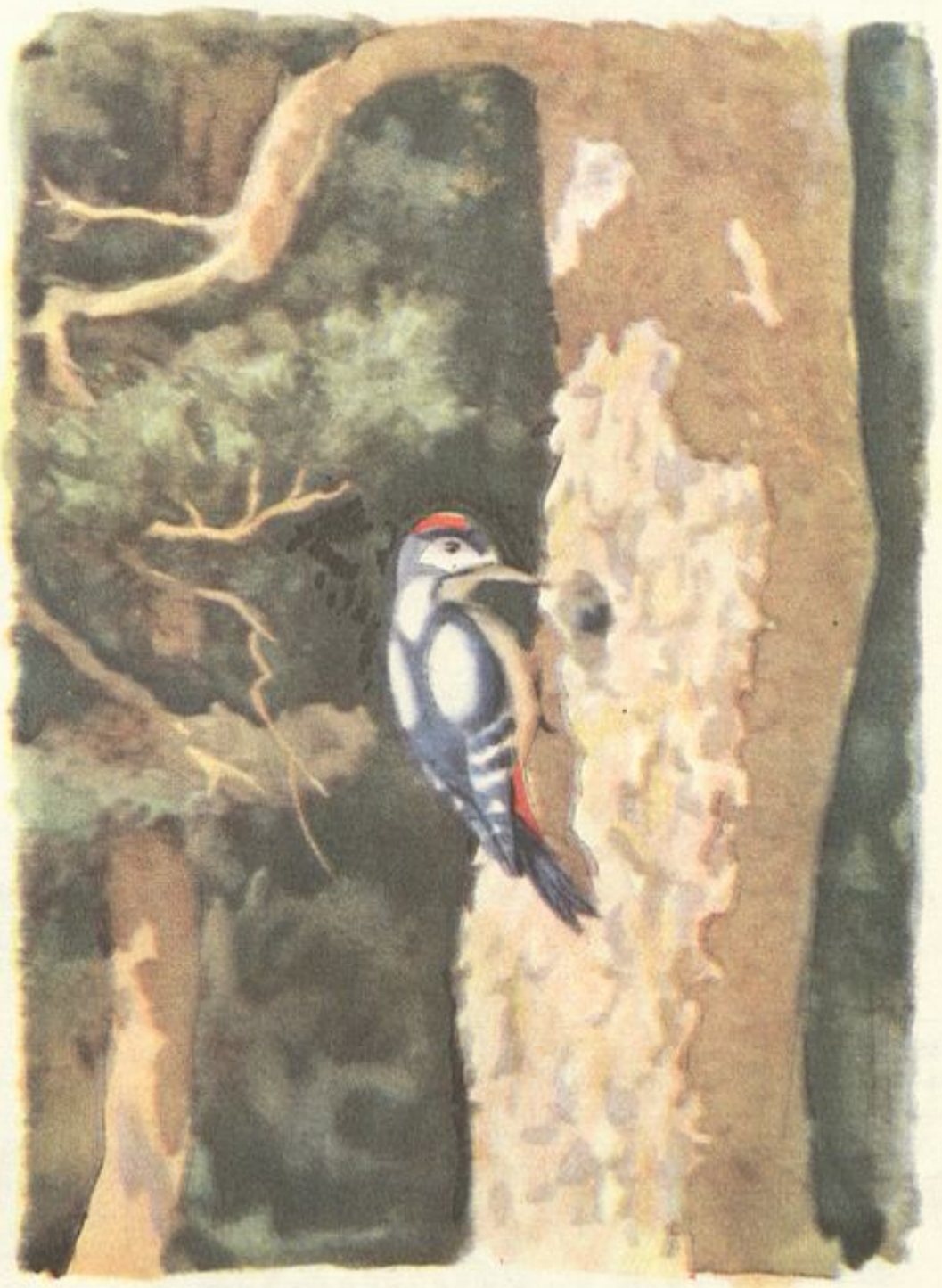
Дикая утка и гусь никогда не приносят в клюве веточку или соломинку для постройки гнезда. Они ищут готовую кучу старого камыша или хвороста где-нибудь в укрытом местечке, недалеко от воды. Найдут такую кучку, вытопчут посредине ямку и покроют её, как одеялом, своим пухом.

Этим же пуховым одеялом утка закрывает яйца, если ей надо уйти с гнезда, чтобы попить или поесть.

* * *

Тук! Тук! Тук! — раздаётся весной в сосновом бору. Это дятел, словно плотник, строит гнездо. Дятел долбит своим крепким носом мягкое дерево. Он работает долго, пока не выдолбит дупло величиной с высокий горшок. Все кусочки коры, щепочки, — словом, весь сор, который может упасть при работе в гнездо, дятел тщательно убирает, выкидывает вон.

Птенцы дятла растут, сидя на гладком, жёстком дне гнезда без всякой подстилки. От этого у них даже делаются мозоли на пятках. А когда молодые дятлы вырастут, то вылезают из гнезда, цепляясь за неровности стенок своими острыми, как у кошки, когтями.



Нина НАЙДЁНОВА

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

НАШИ ПОЛОТЕНЦА

Мы картинки разные
Сами рисовали,
Их над полотенцами
Сами прибивали.
Полотенце Олино
Саша не возьмёт:
С птичкой он не спутает
Синий самолёт.
Знает свой кораблик
Боря-новичок,
Миша — землянику,
Машенька — волчок.
У Серёжи — яблоко,
У Володи — груша,
А картинку с вишнями
Выбрала Катюша.
Бабочка — у Игоря,
Заяц — у Наташи...
Мы совсем не путаем
Полотенца наши!

НОВАЯ ДЕВОЧКА

Девочка новая
В детском саду.
К девочке новой
Сейчас подойду.
— Зачем ты
в сторонке?
Ведь скучно одной.
Вот наши игрушки,
Вот слон заводной.
Вот видишь —
Его я ключом завела,
Сейчас он пройдёт
От стены до стола.
Вот кубики наши,
Мы строим дома́.
Ты тоже научишься
Строить сама!
Пойдём, я к ребятам
Тебя отведу.
Всем девочкам нравится
В детском саду!

Рис. В. СУТЕЕВА

Напала лисица на заячий след.
Мечтает лисица: «Вот будет обед!..»
Но зайки, приметив под ёлкой лису,
Рассыпались стайкой и скрылись в лесу.

Сидят, притаились в кустах — ни гу-гу,
Все в беленьких шубках на белом снегу.
Пускай, так и быть, пропадает морковка,
Наславу зато удалась маскировка!

Рисунок на обложке К. Кащеева

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.
Художественный редактор Н. Попов. *Рукописи не возвращаются.* *Техн. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 4/II 1950 г. А00929. Объём 3 печ. л.
2,8 уч.-изд. л. 33 600 зн. в печ. л. Формат 60×92¹/₈. Тираж 124 500 экз. Заказ 20

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

2366

Рис. Г. Никольского

Ребята, у какого русского поэта описано то, что вы видите на этой картинке?